

2020 январь

— Да, подложила свинью китайцам змея! — Леонидов оторвался от планшета и посмотрел на жену. Они сидели на кухне, телевизор что-то бурчал, за окном то ли капало, то ли свистело. Новогодние праздники кончились, а зима так по-настоящему и не началась. Все в последнее время шло не по графику. — Эй! Чем ты там так занята?

— Да вот, отель присматриваю в Греции, — озабоченно сказала Саша, не отрывая глаз от своего планшета. — Отзывы читаю. А может, на Кипр поедем этим летом? А, Леша?

— А не рановато ты об отдыхе думаешь? Вон, в Китае новый вирус, covid-19 называется. В городе Ухань... Или УхАнь? В общем, на тамошнем рынке кто-то купил змею. И съел ее. А змея, обитая до того, как попасть в чей-то супчик в дикой природе, налопалась летучих мышей, которые оказались носителями... этого самого ковида... Правильно прочитал? Да, ковид.

— Хватит чушь нести!

— И теперь, вместо того чтобы праздновать свой китайский Новый год, китайцы, похоже, будут сидеть на карантине за своей Великой Китайской стеной. Что, конечно, не добавит величия ни им, ни стене, но зато прикольно.

Этот вирус с короной, иначе коронавирус, стремительно распространяется. Глядишь, все мы сядем на карантин. Стоит ли бронировать отель сейчас? Погоди пару месяцев.

— Да их пол-Москвы этих китайцев было на наш Новый год! Какой карантин? Опомнись! Вовсю уже бронируют, я на работе у кого ни спрошу, все куда-то едут. Пока мы ждем новостей о каком-то там вирусе с короной (Господи, что только ни придумают), все стоящие отели уже будут на стопе. Скажи лучше, куда мы поедем, в Грецию или на Кипр? А, может, в Италию? Я собираюсь написать своему турагенту, — озабоченно сказала Саша.

У Леонидова сразу испортилось настроение. О дорогом отдыхе за границей он и слышать не хотел после того, как перестал быть самым гениальным сыщиком Москвы и Московской области. Ушел с любимой работы после истории с Сажиним, которая перепахала Алексея так, что оставаться на службе у государства он больше не мог. Любовь к криминальным ребусам осталась, к их разгадыванию, но вот новые методы, официальные имеется в виду, Алексея больше не устраивали.

Летом он нашел себе занятие: уехал на дачу и безвылазно жил там, что-то сажая, копая и даже пропалывая. Увяз в быту, одним словом, и превратился в обывателя, «дядю Лешу из домагдеживетучилка». Сашу в деревне все знали, она раньше занималась с детьми на летних каникулах, репетиторствовала. И сейчас иногда соглашалась, когда надо было подтянуть ребенка по русскому языку, но уже больше по дружбе, чем ради заработка.

— Мне неловко брать деньги со своих, — жаловалась Саша. — Они ведь мне как родные, наши, деревенские.

— Вот и я не могу, — вздохнул Алексей. — То грядку надо вдове вскопать, то матери-одиночке забор поправить. Я так же как и ты, безотказный. Неправильные мы с тобой люди, жена. А лучше сказать, неловкие.

— Зато честные.

— Аргумент. Жаль, что честность на хлеб не намажешь.

— Я хорошо зарабатываю.

— А я?

— Леша, мы же договорились: не поднимать эту тему.

— Вот я и молчу. Но думать-то ты мне об этом не запретишь, — сердито сказал Алексей.

Так и жили, делая вид, что ничего не случилось. Что Алексей просто в очередном отпуске, который затянулся.

Одно время даже показалось, что отпустило. У соседа угнали машину, и Алексей с энтузиазмом принялся ее искать, поскольку правоохранители делали это без надлежащего усердия. И, соответственно, без результата. Трехлетняя «Инфинити» как в воду канула.

— А вот я найду! — бахвалился Алексей. — Потому что я лучший сыщик в Московской области!

Он подумывал открыть частное детективное агентство и решил, что для начала это хорошая практика. Попробовать себя в качестве частного сыщика.

Сосед меж тем пулей понесся в московский офис подавать заявление на выплату стра-

ховки от угона. Что Леонидова и насторожило, вкуче с сайдингом «под камень», когда гастарбайтеры принялись огораживать строительными лесами дом «потерпевшего» двухметровым забором, который сосед принялся вдруг возводить вокруг своего участка, и фейерверком на именины, куда Леонидовых не позвали. Хотя раньше без их присутствия грандиозные праздники на соседнем участке не обходились.

И тут Леонидов некстати вспомнил, что случаи мошенничества с угонами машин резко участились. По инерции он по-прежнему просматривал хронику происшествий и криминальную статистику. А машина как сквозь землю провалилась, никто в деревне ничего не видел и не слышал. Но при этом глаза отводили в сторону, когда Леонидов задавал свои сыщицкие вопросы. А делал он это профессионально.

«Опять я лезу, куда не надо», — с досадой подумал Алексей. «Машину никогда не найдут, потому что ее уже продали по дешевке куда-нибудь в Дагестан, перебив номера, а то и перекрасив. Не исключено, что в нашей же деревне, в одном из гаражей. К гадалке ходить не надо. У него же КАСКО была. И глаза у него жуликоватые. Давай уже по-честному: не будь он твоим соседом по даче, ты бы к нему и близко не подошел. Вы разные люди. Очень уж разные. И пить бы с ним ты не стал. Соседей не выбирают, и общаться волей-неволей приходится. С соседями лучше дружить, чем враждовать. Спокойнее... И Саша общительная. У них, опять же, дочка, с которой тусуется Ксюша. Но машину он сам у себя украл, это факт. А я больше

не мент. И у каждого своя правда. Кто я такой, чтобы его судить?»

Когда к Алексею пришли из страховой компании, как к свидетелю, потому что у страховщиков тоже возникли подозрения, он промолчал о своих догадках. А потом презирал себя за это. А сосед на другой день зашел с бутылкой и словами «я знал, что ты человек».

— Господи, что должно случиться, чтобы люди, наконец, пришли в себя? — в отчаянии сказал Алексей жене. После того как закончился «сердечный приступ», которым он отговорился, чтобы не пить с соседом водку. Разыграл как по нотам. — Это какой-то беспредел, каждый гребет под себя, не считаясь с интересами других. Хапают и хапают. Честного человека надо с фонарем Диогена искать. Кстати, мудрый был старик. Правильно подметил, что литераторы изучают бедствия какого-нибудь Одиссея и не ведают собственных, математики следят за солнцем и луной и не видят того, что у них под ногами, ораторы учат правильно говорить, но не учат правильно поступать, скряги ругают деньги, а сами любят их больше всех. Сплошное лицемерие. До нашей эры сказано, а что изменилось? Актуально как никогда.

— Кто бы говорил, — пожала плечами Саша, явно обидевшись за литераторов. — Что тебе мешало сказать страховому агенту, что твой приятель жулик? Но ты же этого не сделал. Сыщики ругают свидетелей, которые боятся дать показания, а сами обманывают правосудие, — продолжая твою мысль. Точнее, Диогена.

Я больше не служу в органах! — вспыхнул он.
— Потому и бесишься. И мне не нравится твое увлечение философией. Диогена он читает! А не далеко ли ты забрел, Лешенька? В какой там век до нашей эры? Ау!

— Напекаешь, что я сижу у тебя на шее? Пора бы и честь знать, Алексей Алексеевич. Пожалуйте на работу. Помнишь Сажина? Во что я из-за тебя вляпался?

— Из-за меня?! — ахнула Саша.

— Кто говорил: «На что мы будем жить?»

— Но ведь это несправедливо! И ты сам это знаешь!..

И теперь, когда жена заговорила об отпуске, Леонидов эту ссору вспомнил. И сказал:

— Знаешь, что я решил?

— И? — вопросительно посмотрела на него жена.

— Я хочу продать мамину квартиру. Все равно там год уже никто не живет.

— Ты ведь не хотел ее продавать, — удивилась Саша.

— Сергей живет у своей девушки, Ксюша, похоже, никогда от нас не съедет. Она привыкла жить на всем готовом. Зачем притомляться, если есть мама? И папа. В любом случае у нас будут деньги. Которые можно положить на счет. Понадобится — купим квартиру дочери, или сыну. Или я, допустим, открою детективное агентство. Не хочу ездить отдыхать за твой счет.

— Следить за неверными супругами? — вскинула брови Саша. — Ты же всегда над этим издевался.

— Давай сначала квартиру продадим.

— Это твое наследство, поэтому я не вправе вмешиваться.

— Вот именно: мое. Короче, я звоню знакомой риелторше.

— Заскучал? — усмехнулась жена. — Тебе женщина нужна, чтобы встряхнуться?

— Да, эта подойдет. Ей семьдесят уж наверное с хвостиком.

— Тогда какой же она риелтор?! Ты хочешь, извини меня, семидесятилетней бабушке доверить продажу своей московской квартиры?!

— Эта бабуля молодых за пояс заткнет. Тебя ждет сюрприз.

— Тебе так приспичило продавать квартиру именно сейчас?

— Боюсь, потом будет поздно. Интуиция мне подсказывает, что к этому коронавирусу напрасно относятся столь несерьезно. Сейчас надо избавляться от лишней недвижимости и уходить в кэш. Покупателя мы сразу не найдем, надежда только на мою бабулю. Она продавать умеет. И мне должно, наконец, повезти.

2020 февраль

Ему и в самом деле повезло. Правда, когда Алексей узнал подробности сделки, он пришел в ужас:

— Да разве такое возможно?! Четыре ячейки, одних риелторов семь человек! В сделке ведь участвуют владельцы трех квартир! Да еще ипотека у одного из продавцов, он же покупатель! Только вы, Альбина Андреевна без помощников обходитесь, все остальные с ассистентами. Да как же мы сможем эту многосту-

пенчатую сделку провернуть?! Это какой-то высоченный слоеный пирог, который в печку не влезет. Мы его ни испечь не сможем, ни съесть.

— Да ладно! Ты мне только скажи, Леша: ты готов?

— К чему? К сложностям? Только Сашу не будем впутывать.

— Без нее обойдемся, ты — собственник. Надо только взять у Александры нотариально заверенное согласие, что она не против того, что ты продаешь квартиру. А больше ничего ей не говори. Хорошо, что мы хоть этих покупателей нашли. Все колом встало. И весь рынок недвижимости. Видишь, небось, что творится. Нам надо сейчас проскочить под занавес. Придется рискнуть.

— Что ж... Запускайте процесс!

— Молодец! Горжусь! С Богом, Леша. И пусть нам повезет...

Верецагины

— Надо срочно пристроить куда-нибудь эти деньги, слышишь, мама?

Макар посмотрел в зеркало, и с досадой послюнив палец, стал прилаживать редкие рыжеватые волосенки на маковку, туда, где зияла плешь. словно хотел их туда приклеить, да только получалось плохо.

— Да лучше бы ты женился, наконец, сынок.

— Жениться никогда не поздно. Чем я старше, тем меньше конкуренция в моем ценовом сегменте. То есть, я хотел сказать, на рынке женихов. — Макар, набывчившись, по-

смотрел в зеркало. Куда они деваются, леший их дери, эти волосы? Еще вчера их явно было больше.

— Только и слышишь от тебя: рынок, цены, дебет-кредит... Выгодно — невыгодно. Ты вон, наполовину лысый уже, Макарушка. Сколько девушек хороших тебе сватали, некоторые даже домой приходили. А ты все: деньги, деньги...

— Вот пристрою эти — и женюсь. Зря я, что ли, суетился? Такую комбинацию провернул! Не подкопаешься.

— Стыдно-то как, Макар.

— Кому стыдно? Тебе? Вон, в Инете сколько терли. Пенсионерка из Подмосковья выиграла в лотерею пятнадцать миллионов. Ты, мать, звезда у нас.

— Да, уж, звезда!

Валентина Степановна со вздохом посмотрела на единственного сына. Еще когда Макарушка был ребенком, подружки завистливо говорили:

— Повезло тебе с сыном, Валька! Никогда ничего не просит. Моему, вон, то игрушку подай, то шоколадку. В магазин с ним боюсь ходить. В кошельке-то пусто. До полочки то рубль, а то и трешку стреляем. А твой стоит, смотрит. И молчит.

Макар и в самом деле ничего не просил. Стоял, набычившись, глядя на витрину со сладостями. Иногда шевелил губами. Валентина Степановна одно время пугалась: сам с собой разговаривает, ты подумай! Неужто больной? К невропатологу его надо отвести. А не то — сразу к психиатру.

Но потом она узнала, что сын просто считает. Сколько, допустим, в одной шоколадке батон хлеба? А если не купить игрушку, сколько можно съесть шоколадок? А если и игрушку не покупать, и шоколадки не есть, а деньги эти складывать, то сколько получится отложить в месяц? А за год?

Макар так играл. В экономию. Мысленно копил родительские деньги, осуждая мать за транжирство. Отец Макара был прижимист, но иногда его прорывало. Мог месяц, другой, а то и полгода держаться, экономить на всем, скряжничать, а потом вдруг повести семью в ресторан.

— Эх, один раз живем!

Мать Макара рестораны не любила и почти ничего там не ела. Сидела нахмурившись. Макар понимал, что она жалеет деньги, выброшенные на ветер. И думает, сколько можно было бы купить нормальных продуктов, а не давиться давно опостылевшими макаронами с болгарским кетчупом или просто посыпанные сахаром. Потому что отец и на кетчупе экономил.

Макар поочередно осуждал то мать, то отца. По нему, так оба жили неправильно. Еще в школе он подсчитал, что выгоднее всего быть поближе к руководству. К директору школы, например, или к завучу. Вести какую-нибудь общественную работу, тогда хорошие оценки достанутся малой кровью. Не выучил урок — поставят не двойку, а точку. Верещагин ведь общественник, занят был, сценарий новогоднего вечера с завучем по внеклассной работе обсуждали. А потом трудовой лагерь, Верещагин-то комсорг. Правая рука начальника этого

самого лагеря. Надо съездить туда, домики посмотреть, расписать народ по бригадам, продумать досуг. Без Макара как без рук. Вот и ставили ему оценки не за знания, а уже тогда, в школе: за статус.

Из точных наук разбирался Макар только в математике, в том, что касалось подсчетов. Алгебра была его родной стихией. Но ни физика, ни химия, ни даже геометрия ему не давались. Над сечениями Верещагина учитель скептических хмыкал, сказав как-то при всех, что у «нашего общественника абсолютно отсутствует пространственное мышление». Макар ничуть не обиделся. Он это с детства усек: на начальство обижаться нельзя. А от учителя зависел средний балл аттестата. Поэтому Верещагин над шуткой посмеялся вместе со всеми, и был вполне доволен четверкой, которую ему в итоге вывели.

Вуз он выбирал исходя из своих способностей. Верещагин решил стать экономистом. Или бухгалтером.

Но в девяностом, когда Макар оканчивал школу, все вдруг резко изменилось. Советский Союз развалился, партийные бонзы ринулись массово сдавать партбилеты, и комсорги стали не нужны, равно как и высшее образование вдруг резко обесценилось. Кандидаты наук и даже доктора пошли из своих академий и НИИ на рынок, торговать. А в стране начался бандитский беспредел.

Макар быстренько подсчитал, что бандитом быть невыгодно. Очень уж рискованное это занятие. Бандитские группировки вели беспрепятственную войну, и ближайшее кладбище стре-

